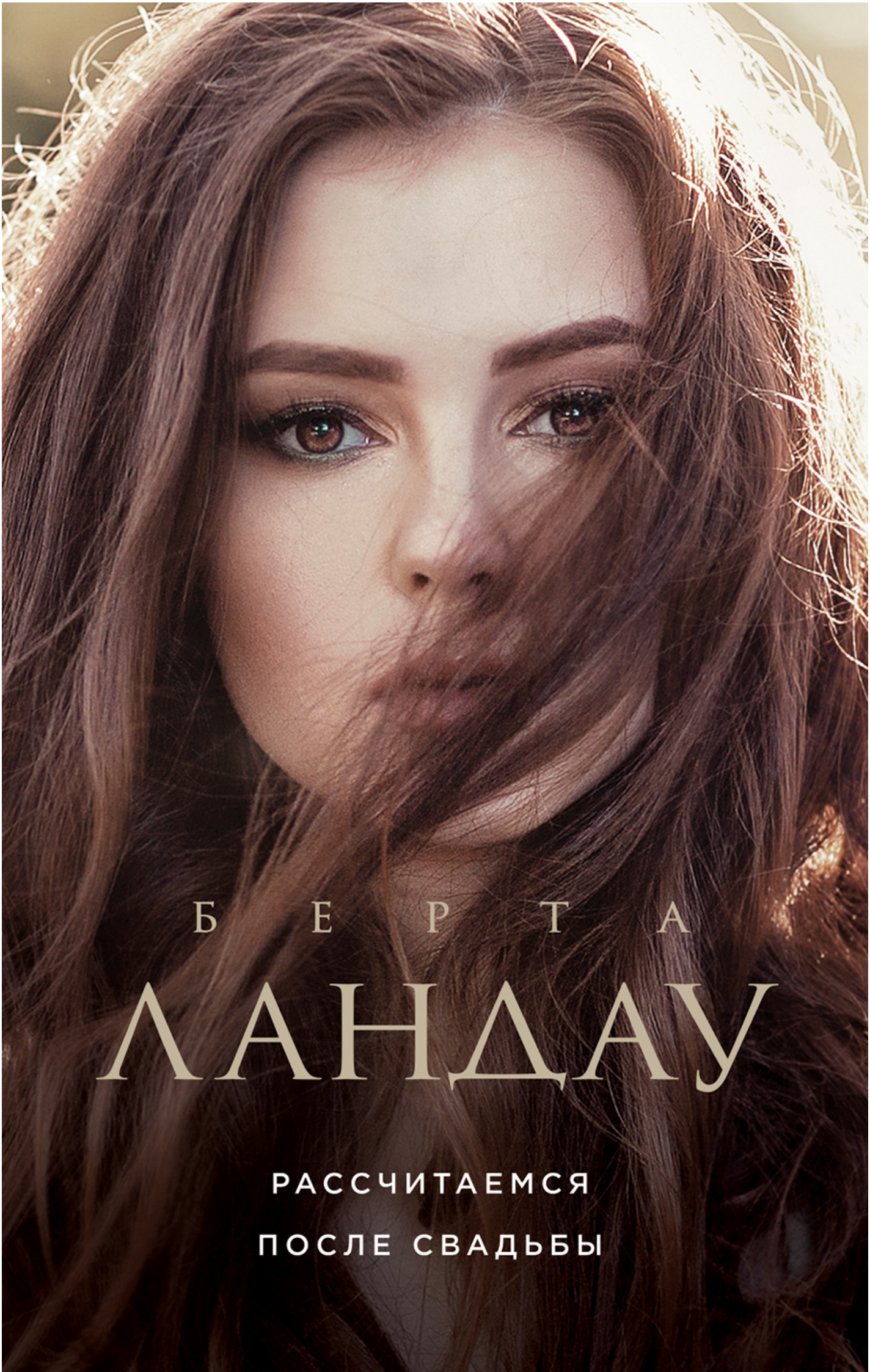

Б Е Р Т А

ЛАНДАУ

РАССЧИТАЕМСЯ ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Берта Ландау

Рассчитаемся после свадьбы

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ландау Б.

Рассчитаемся после свадьбы / Б. Ландау — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-090421-1

Леся всю жизнь справляется со своими проблемами в одиночку, не ожидая никаких даров от судьбы. У нее отлично получается — она растит детей, зарабатывает деньги… В общем, крутится как белка в колесе. И, конечно же, как всякая женщина, мечтает о личном счастье… Много ли женщине нужно? Всего лишь любящий мужчина. И наконец Леся встречает его! Она любит и любима. Она счастлива. И не важно, что друзья сомневаются в искренности чувств ее избранника, и не важно, что судьба подает знаки об опасности, — Леся привычно верит только себе, не понимая, к какой катастрофе стремительно приближается. И вот счет уже пошел не на дни, а на часы. Так наступит ли прозрение? И есть ли спасение?.. Ранее книга выходила под названием «Тот, кто подводит черту» (автор — Галина Артемьева).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090421-1

© Ландау Б., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Берта Ландау
Рассчитаемся после свадьбы

Оформление серии *П. Петрова*

Портрет Берты Ландау на обложке художника *Владимира Симонова*

Глава 1
Театр

– Что ты хочешь от меня услышать? «Джага-джага, мне это надо-надо»? А если правду? Один раз в совместной жизни! Последняя гастроль!

И вы тоже послушайте, недолюбленные папой чада. Потому что вы все славно потрудились, все вместе. Все, как один, пожрали мою жизнь! Человеческую жизнь пожрали и не подавились. И еще смеете талдычить про доброту и порядочность!

Я молчал! Я думал: до вас дойдет. Вы потребители. Пользуетесь мной, как электроприбором: на одну кнопочку нажали – появился любящий муж, на другую надавили – заботливый отец выскочил. Любящий муж: скок-поскок шустрит для женушки ненаглядной, которой все мало. Заботливый отец: старательно тырит откуда что может, чтоб ублажить своих невинных беспомощных ангелочков. Они же не просились на белый свет! Это он сам их произвел, вот пусть и тужится теперь, выталкивает из себя материальные блага!

Ишь чего придумали – не просились они! Сперматозоидов сколько за один раз выстреливается? Миллионы! И все устремляются к новой жизни! Всех светлое будущее манит! Спешат, хвостами толкаются. Такая гонка происходит, такая конкуренция! В итоге – доходит только один! Самый-самый из всех! Кто интенсивнее всех остальных миллионов хочет – именно хочет, причем сам! – на так называемый белый свет, если он для кого-то белый.

То есть у сперматозоида ума и чести хватает признаться самому себе в жутком желании жить и гнать на всех парах, чтоб никто другой не обогнал.

А как цель достигнута – начинается: то не так, это не так, того не хватает, это подай, жизнь не имеет смысла, если не получу, что у других есть.

Морочьте головы другим, а мне не заморочите больше: вы появились жить потому, что сами очень этого хотели. И нечего на других сваливать!

Что молчите? Думаете – ничего, перетерпит, уймется, запряжется и потянет? Привыкли уже? А вы сами! Не за чужим хребтом, а своим горбом! Сами покорячьтесь! Мой хребет – чужой для вас, поняли?

Молчите? Правильно! Боитесь гнать волну! Только теперь это уже не поможет! И слепой иногда ухитряется прозреть! А если и не прозреть, то допереть неповрежденными участками мозга, что семья – это пустыня.

И всем в этой пустыне глубоко плевать, дотащишься ты до пальмы и колодца с водой или подохнешь в песках. Главное, чтоб было что от тебя откусить.

Ты, женщина, думаешь, что облагодетельствовала меня своим присутствием? Это хорошо, что ты сейчас таращишься, как жертва гипнотизера. Может, лучше вспомнишь: я тебя замуж не звал! Вообще не приглашал тебя разделить дорогу судьбы.

Странно, да? Что я такое говорю? Ай-ай-ай! А говорю я правду и ничего, кроме правды, как перед лицом федерального суда. И пусть ангелочки навострят свои мохнатые ушки. Мамочка очень хотела выйти замуж за папочку, потому что все подружки уже спроворили себе спутников жизни, а она куковала без штампа в паспорте. Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! А никто не вырисовывался, хоть ты обкукуйся с северо-запада до юго-востока по розе ветров. У нее уже терпение стало иссякать. И тут черт меня дернул очутиться в нужное время в нужном месте. Да еще пожалеть царевну Несмеяну. Скрасил ее одиночество. Я-то думал – на непродолжительное время, а она решила – навсегда.

Она у нас все воплощает, что решит.

Это не ты ли мне каждый день гнусила: «Давай поженимся. Давай поженимся. Давай поженимся». А помнишь, что я отвечал?

Может, я скакал от радости и вопил: «Дафай-да-фай?!» Нет? А что я говорил? Ты им скажи, что я тебе отвечал. «Зачем?» – вот что. Зачем жениться, если тебе со мной и так хорошо?

Это ты мне мозговые извилины заливала идеей вечной любви и служения мне в течение всей совместной жизни как воплощению идеала этой самой любви! А я как та ворона из басни.

Вот бы вспомнить вовремя! Не зря же в школе учили! Лисице сыр нужен, а она вороне про высокие материи: «Спой, светик, не стыдись, мой хороший!»

Вот я и каркнул в конце концов: «Ну, давай, чего уж там!»

И пошло-поехало: «Славик мне сделал предложение!»

Всем подругам, родителям, начальникам и подчиненным: «Просит выйти за него замуж – ха-ха-ха! Хи-хи-хи!» А я не то что не предлагал, не просил, но и уговорила ты меня путем долгих и нудных приставаний.

Получила свое – и тут же про все забыла. Ее замуж позвали, видите ли! А она еще подумает! Крепко подумает о кандидатуре просителя. Тоже – артистка погорелого театра на гастролях. Главное, сама тут же поверила, что так оно и есть. Что ты – царица бала. И принялась рулить. Тебе не мужчина был нужен рядом, а холоп. Слуга. Раб. Все чтоб устраивалось по-твоему. А уж когда забеременела, тут ты посчитала себя вправе устраивать ежедневные показательные разборки. Помнишь, нет? Как ты ежедневно меня обличала. Припоминаешь? Что я и неудачник (это точно, раз на тебя клюнул), что я как мужчина несостоятелен (с тобой станешь!), что ты – мой единственный шанс (стопудовый шанс отправиться на тот свет в не запланированные природой сроки), что я не заслуживаю такого счастья, как ребенок (твой ребенок – то еще счастье).

А я, как гриб-подберезовик, все это выслушивал, только черви изнутри меня точили. Ты нагло хамила без удержу, а я себе объяснял: «Она готовится стать матерью. Терпи. Это святое».

А ты, женщина, – что для тебя святое? Какую тему ты не обгадила? Какую душевную струну не перепилила деревянной пилой? Что я тебе должен? А мне – что ты должна? Об этом не хочешь подумать?

Да я домой после работы не хочу! Активно не хочу. В дом, который сам создал. Потому что ты – ядовитая! Ты знаешь много слов, от которых мужчине жизнь делается не мила. Ты ими бросаешься направо-налево, даже отчет себе не отдаешь, что их можно услышать и запомнить навсегда. И не простить.

Кто я у тебя? «Тормоз, чурбан, этот, дебил, дегенерат, придурок, боров…»

Могу еще напомнить с десяток. А если я тебя твоими же методами? Ты припрешься с работы, а я тебе: «Где шлялась, корова?»

Или в постели: «Что развалилась, бревно сырое?»

А? Ндравится?

Кстати, если уж говорить о состоятельности полов: ты, как женщина, полный ноль. Тебя хотеть невозможно. Ты на ночь под душ не встанешь. Мужу-то какая разница – можно и повонять, он привыкший. Ты ничего не делаешь, чтоб у меня желание появилось. Ты своей куриной головой даже вообразить не можешь, что от тебя тоже что-то требуется. Ведь ты меня осчастливила! Ты со мной! И детки твои – со мной! Моя семья! Чтоб было кому подать воды! Мне не нужна от вас вода! И вы от меня отстаньте. Живите собственными ресурсами. Открывайте охоту на других идиотов. Что ж ты не уходишь? Ты всегда, чуть что, грозилась уйти! И с детками-конфетками. Время пришло – газуйте! Что ж вы застыли-закаменели? Ноги отнялись? Так я сам. Вот, идите к папочке на ручки. Вынесу по одному. Последний долг. Последняя ласка.

После этих слов артист волен был поступать, как ему заблагорассудится. Мог по очереди перетащить на руках парализованных его монологом членов семейства, мог за волосы отволочь за кулисы, мог ногами пинать через всю сцену.

И кланяться выходил всякий раз по-разному: то неся жену на закорках, то толкая ее, упирающуюся, перед собой.

Впрочем, Леся очень редко когда имела возможность наблюдать, какой вариант на этот раз изобрел изощренный в улавливании настроений публики звездный герой их театра и множества телесериалов Костя Потапов. Потому что, когда он фокусничал после утомительного монолога, Леся должна была подправлять грим Асе Щегловой, той самой изгнанной жене взбунтовавшегося героя пьесы Славика.

Только завзятые театралы и посвященные знали, что членов семьи героя во время его обвинительных речей изображали куклы. Кукла-жена, кукла-сын и кукла-дочь. Именно поэтому им удавалось так достоверно горестно таращиться на обретшего внезапно дар слова безропотного главу семейства.

А в это же самое время героиня пьесы, настоящая, живая, сидела в гримерке и входила в образ. Леся колдовала над ней, стараясь, чтобы не было «недо» и «пере». Последний штрих – самое главное. От него у актера крылья вырастают. При условии, что он, штрих этот, удачен.

Идея с куклами пришла в голову их режиссеру не от хорошей жизни.

Пару лет назад их молодому театру предложили зарубежные гастроли с нашумевшим в Москве спектаклем. Все бы хорошо, но в спектакле этом была задействована огромная массовка, которая в родном городе обходилась в ноль рублей ноль копеек – студенты с радостью соглашались потусоваться на сцене. Везти за рубеж дикое количество народу было делом финансово нереальным: билеты, проживание в чужой стране, переезды из города в город выливались в такую сумму, что экономический смысл турне полностью исчезал. Нанимать массовку на чужбине тоже не имело никакого смысла: они не сумеют правильно реагировать на происходящее, не понимая ничего по-русски. Кроме того, за бесплатно нигде, кроме их уникального многострадального царства-государства, народ приучен работать не был.

Вот режиссер и удумал понаделать кукол в человеческий рост. Таких, чтоб от людей не отличить. Пластичных, с закрывающимися глазами, с выразительными руками. С лицами, на которые можно наносить грим, а потом смывать его и гримировать заново.

Он слышал, что где-то делают таких красавцев. Где-то не у нас. А это значило – ничего из задумки не выйдет. Потому что все опять же упиралось в деньги.

А такая куколка сколько может стоить? Даже подумать страшно! Тем более что не одна куколка требовалась, а не меньше тридцати.

Но он так сильно и настырно хотел воплотить свою идею в жизнь, что неумолимая судьба поддалась и послала ему весть о некоем провинциальном заводике, способном сотворить искомое чудо, причем за весьма скромное вознаграждение.

И сотворили. И были счастливы подвернувшейся работе безгранично: смогли обеспечить своих рабочих полунищенской зарплатой на несколько месяцев вперед. Вот что было истинным чудом наоборот: у мастеров с золотыми руками и умными головами настолько отсутствовала деловая хватка, что они не удосужились даже мало-мальски себя прорекламировать, чтобы обеспечить завод бесперебойными заказами. И цены своей работе не знали. Так что, можно считать, повезло. Почти задаром получил исполнение желания.

Режиссер полюбил своих кукол со всем жаром истосковавшейся по ним души. Дошел даже до того, что называл их лучшей частью труппы: они-де не капризничают, не болеют, не придуриваются, выполняют все режиссерские указания, не требуют денег, не жрут, не алкогольничают, не проститутствуют и умеют держать паузу как никто.

Живые актеры снисходительно прощали эти дурацкие режиссерские сравнения бездушных тварей с ними, одаренными, тонко чувствующими и переживающими индивидуумами. Но и они вскоре поняли, как хороши оказались эрзац-люди для общего дела. В этом, к примеру, сегодняшнем спектакле куклы честно отыгрывали половину времени. Вот только ответили на восторги публики после монолога, только выталкивали кланяться окаменевшую брошенную

жену с застывшим лицом, а через полминуты сцена разворачивается и – полюбуйтесь на нее! Совсем иначе одетая, элегантная, с полными интереса к жизни глазами поет застывшему от восторга и сочувствия другому мужчине:

Он говорил мне:
Будь ты моею,
И стану жить я,
Страстью сгорая.

Прелесть улыбки,
Нега во взоре
Мне обещали
Радости рая.

Бедному сердцу
Так говорил он!
Бедному сердцу
Так говорил он!

Но не любил он!
Нет, не любил он!
Ах, не любил он!
Да, не любил меня!

И очередная жертва, вытаращив глаза от восхищения, слушает теперь ламентации бедной оставленной женщины, жертвы любви и долга, мужского эгоизма и черствости.

Зрители расходятся довольные.

– А эти-то: жена и дети! Сидели-то как! Я прям думала – не настоящие. Столько времени – и не пошевелиться! Вот это артисты! А потом она как выскочит, как запоет, я глазам не поверила: гениально! Надо еще раз сходить. Такая постановка! Невероятно!

Леся тоже любила этот спектакль, хоть и знала всю подноготную действа. Ведь это она рисовала куклам лица, придавала им нужные по ходу пьесы мимические выражения, сооружала прически, одевала. От нее зависела та самая хваленая достоверность, благодаря которой публика не в состоянии была обнаружить подмены.

Но кто кого играет – кукла человека или человек куклу – это дело второстепенное. Пьеса задевала ее по существу. Монолог Славика был словно к ней обращен. Весь спектакль – будто бы про нее. Ей становилось жутко, и совесть мучила. Потому что в ее случае вышло даже гаже. В театре главный герой вышвыривает из своей жизни бессовестных потребителей: жену и великовозрастных сына и дочь. В реальности выгнанным оказался муж. Хотя Лесиной вины тут не было: жили они в ее квартире. А собственника жилплощади даже по яростному желанию супруга на улицу, к счастью, не выставишь. В остальном же – один к одному, словно кто-то подслушал ее последний разговор с мужем.

Она знала – он прав. Жизнь – несправедливая штука. Наказывает невиноватых, награждает тех, кто не заслужил. Вот как в ее случае. Она испортила жизнь человеку. И вместо жестокой кары судьба посылает ей любовь! Такую – похожую на сон. Красивую. В которой все, как ей мечталось. Все, как по мановению волшебной палочки.

Только одно и мешает: мысль об отце Любочки и Яника.

Глава 2
Была семья

Для себя самой и самых-самых близких она – Леся. Для всех остальных, получужих и чужих, – Лена. С именем Леся она помещается в уютный, нежный, интимный мир детства, в область родительского добра и терпения.

Родителей давно нет, и Лесе нет смысла обманываться на этот счет, нет смысла всем и каждому называть собственное имя и покупаться потом на нежность его звучания. Она это очень хорошо понимает. Умеет отделять свое от чужого с тех самых пор, как осталась одна-одинешенька на всем белом свете.

Сейчас, став взрослой, она осознает, что родилась в уникальной семье. Родители не скандалили, не выясняли отношений, не скопидомничали, не устремлялись к вершинам карьеры – спокойно и достойно жили, любя и ценя друг друга. Леся потом долго думала, что только так и бывает в семьях, а на самом деле оказалось, что родительский случай – скорее исключение.

Все рухнуло в один миг, несправедливо и неожиданно.

Папа умер от инфаркта. В тридцать девять лет – немыслимо! Инфаркту предшествовали некоторые события. Отец в течение нескольких лет своими руками собирал машину по собственным чертежам. Они вполне могли тогда купить какую-нибудь отечественную страшилку и разъезжать себе довольно и беспечно. И в очереди бы не стояли.

Отец трудился главным инженером на заводе, ему предоставили бы такую льготу. Но для отца дело было совсем не в обладании железяками на колесах, как он выражался. Ему требовалось создать свое – неповторимое и ярко индивидуальное. Продукт инженерной мысли, результат творческого поиска. Машину будущего. Свое свободное время он отдавал любимому проекту и его воплощению в реальность.

Им с мамой не верилось, что когда-нибудь из чертежей, а потом из неимоверного числа непонятных железяк проклюнется такая нездешняя красавица. Папину воплощенную мечту вместе с папой несколько раз показывали по телевизору. В течение нескольких недель они изо всех сил катались по городу и за городом. Однажды в выходные ехали-ехали и оказались в Питере! Они любовались городом, а город любовался папиным автомобилем.

– Что теперь изобретать будешь? – вздыхала мама. – Самолет?

– Можно и самолет, – гордо соглашался отец.

Пока же он все обкатывал машину, отлаживал все до идеального состояния.

А потом ее украли. И милиции было абсолютно наплевать, никто ее и не искал. Хотя найти наверняка было можно: она же одна такая и была на целом свете. Им всем казалось, что над ними посмеиваются. Прямо спинами чувствовали насмешливые взгляды и словечки: «Выделиться решили? Думали – самые умные? А теперь опять давайте ножками: топ-топ».

Машина сгинула. Вслед за ней сгинул отец. Мама, опытный скоропомощный врач, не смогла помочь его бедному сердцу. Они решили собрать все силы в кулак и продолжать жить, чтобы папе не было за них больно. Они ему еще на кладбище пообещали, что выдержать смогут все ради любви к нему.

Лесе только очень тяжело было с чужими. Там был ужасный момент для нее перед похоронами. Даже не один. Первый, – когда привезли в их уютную добрую квартиру гроб. Крышку вносить в дом не полагалось по каким-то там обычаям. Ее оставили на лестнице.

Это был знак беды. Оповещение для тех, кто еще не знал.

Леся не могла выходить на лестницу спокойно: у крышки гроба постоянно стояли соседки, непрестанно обсуждая их семейную драму. По крайней мере, Лесе так казалось. А потом все эти соседки приперлись к ним домой – якобы прощаться.

– Мама, не пускай их! – умоляла Леся.

– Так положено, – объясняла совершенно потерянная мама.

И вот они все шли и шли. И зырили по сторонам: когда еще случай представится их обстановку разглядеть. И целовали папочкино лицо, как будто имели на это право.

Род людской стал сильно не мил двенадцатилетней девочке после этих прощаний.

Прошло сколько-то времени, и они наладились жить вдвоем, без папы. Изо всех сил старались друг дружку не подводить и не огорчать. Леся, например, перестала притворяться больной, когда не хотелось в школу. Маме ни к чему были пустые хлопоты. Напротив, даже слегка приболев, Леся старалась потихоньку выкарабкаться сама.

Мама ни на что не жаловалась, старалась улыбаться, водила по воскресеньям дочку на утренний детский сеанс в кино, как было при папе, а потом в зоопарк или на аттракционы в Парк культуры.

Они проводили вместе уютные вечера, рассказывали обо всем, советовались. Леся чувствовала себя с мамой на равных, вполне взрослой, чтобы давать советы, как поступать с коллегами по работе, если те достают.

Летом съездили в Крым, купались, загорали, обгорели до волдырей, снова загорели, тоска растворилась в соленой морской воде, отступила. Впереди у них была долгая жизнь, и обещала она разные приятные путешествия, подарки, неожиданности. Леся доверилась времени и будущему. Она видела, как помогает время отогнать беду. Это значило, что в целом жизнь добра к своим подопечным.

К великому прискорбию, наступил сентябрь. Повсюду качались, сияя, ненавистные Лесины цветы – золотые шары, предвещавшие начало учебного года и все связанные с ним мытарства.

В самых первых числах нехорошего месяца (так она про себя называла сентябрь) Леся тащилась из школы с тяжеленным портфелем: им только что выдали все учебники на год.

Что ее подталкивало не спешить?

Странное чувство. Обычно домой она летела, бежала. Тем более что прошлую ночь мама провела на дежурстве, а сейчас должна была находиться дома и ждать ее с какой-нибудь вкусной штукой, с болтовней про вызовы, про больных, с расспросами о новых учителях и одноклассниках.

Позже Леся, рассчитав поминутно свой путь домой, точно установила, что могла бы вернуться на двадцать пять минут раньше как минимум.

Можно было не разглядывать учебники, а сразу сунуть их в сумку.

Можно было не останавливаться с Галкой у ларька с пончиками и не болтать на тему, кто в кого влюбился после каникул. Можно было ускорить шаг. Тогда все было бы иначе. Все было бы спасено. Какая-то злая сила оттягивала ее возвращение. Злонамеренно, нарочно – в этом Леся уверена и по сей день.

Она уже была во дворе своего огромного многоподъездного дома. Оставалось пройти от первого подъезда до девятого, подняться на лифте на десятый этаж, позвонить в дверь условным звонком, и – вот она, мама, вот он, покой.

Она ненавидела оставаться одна дома, не могла спать в огромной пустой квартире, но что поделаешь – маме, как и всем врачам, приходилось работать ночами. К этому надо было привыкнуть, а у Леси никак не получалось.

Может быть, именно прошлая бессонная ночь без мамы и лишила девочку сил, поселила в ней лень и инертность? Может быть, судьба – это переплетение всех-всех, самых мелких и ничтожных обстоятельств и несчастные случаи – совсем и не случайны?

Ей оставались считаные секунды незнания. Блаженнейшие секунды остатков детства.

К ней шмыгнул какой-то приставучий нахаленыш из первого подъезда и весело проорал:

– Эй! Ты из девятого?

– Отстань, – лениво отмахнулась Леся.

– Ты ведь из девятого? С десятого этажа? – не унимался малец.

– Ну и что из этого?

– Тогда точно! Тогда это твоя мать только что из окна прыгнула!

Леся замахнулась на мелкого своим портфелищем и, не веря, поверила. Ужаснулась так, что дальше идти могла еле-еле, как в страшном сновидении: надо бежать, а сил едва хватало сделать один шаг.

Она кое-как дотащилась до своего подъезда, возле которого стояла «Скорая помощь», толпились люди, толкуя о происшествии. До Леси доносились слова и фразы:

– Из окна бросилась…

– Муж помер, к себе позвал…

– Девчонка осталась, о девчонке не подумала…

– Да вроде нормальная ходила, спокойная…

– Кто их там знает, что у них в голове…

– Сколько лет-то ей было?

– Сорока не было, точно. Девчонке лет тринадцать.

– О ребенке бы подумала…

– А я сижу на площадке, слышу: плю-юххх! Подбежала, а спешить уже некуда. И «Скорая» не нужна. В один момент.

Леся слушала все эти звуки и мечтала, чтоб время вернулось на самую малость назад. Чтоб этого ничего не было. Или чтоб это был просто такой сон. Такие сны бывают. Надо только изо всех сил постараться проснуться и позвать маму.

Собравшиеся говорили и говорили всякую чепуху про то, что мама спрыгнула, не пожалев ее, Лесю. Можно подумать, они кого-то жалели и берегли. Чесали своими грязными языками, ни на секунду не сомневаясь в правоте своих ядовитых слов, не боясь, что их может услышать несчастный осиротевший ребенок.

Наконец, ее заметили. И принялись дружно и подло врать, что маме стало плохо, что ей вызвали «Скорую», а теперь повезут в больницу на операцию. И чтоб Леся успокоилась и шла домой. И что сейчас приедет ее тетя, ей уже позвонили.

Леся пошла, ненавидя себя за то, что промолчала, что не смогла засыпать песком их наглые любопытные глаза, не решилась заткнуть их бесстыжие пасти.

Дома все стало ясно. При чем здесь «муж к себе позвал»? Мама просто мыла окна, как всегда в сентябре. Как в букваре: «Ма-ма мы-ла ра-му». Потому что потом начнутся дожди, холода, будет поздно, до весны придется ждать. Она ждала Лесю и мыла окна. После бессонной ночи. Усталая. И вот – последнее окно, уже тоже почти совсем домытое, чуть-чуть только и осталось на самом верху. Створки распахнуты, подоконник влажный, штора колышется.

Ну что ей стоило вернуться на десять минут раньше? Мама открыла бы ей дверь, принялась бы кормить, расспрашивать, забыла бы об этом мутноватом стекле. Была бы жива.

Так и осталась Леся одна.

Надлежащие тетеньки из органов попечительства очень рекомендовали ей собрать манатки и отправляться в детдом, где ей будет обеспечено счастливое сытое детство и законченное среднее образование.

– Потом в институт примут вне конкурса. У сирот льготы, – сулили они.

– Нет, нет. Я дома останусь, – отнекивалась Леся.

– Одной дома нельзя, нужен опекун.

Из родных у Леси оставалась тетя, двоюродная папина сестра. У этой тети было своих забот не расхлебать: пьющий муж, дети-переростки. Она поначалу об опекунстве и слышать не хотела. Ей бы самой за кого спрятаться. А тут ответственность какая. За своих детей в случае

чего никто и не спросит, а за чужого, если что с ним приключится, и под суд могут отдать, не пожалеют. Она так и говорила при Лесе: «Чужой ребенок».

Леся не была приучена просить. Не умела настаивать и добиваться. Пестовала свою гордость. Но тут поняла (причем своим умом, без чьих бы то ни было советов): дело серьезное – не будет опекуна, не будет и будущего. Увезут ее, никчемную сироту, за тридевять земель, и вернуться будет уже некуда, заселятся в ее квартире достойные люди, и никому ничего не докажешь.

И стала она слезно умолять тетю оформить это несчастное опекунство ради всего святого. Она клялась, что будет хорошо учиться, что никогда не подведет, что никакого ухода за собой не требует, что все умеет делать сама.

Тетино сердце дрогнуло. Она согласилась. Так и зажила девочка по-взрослому, совсем одна, под невыносимым гнетом прекрасных воспоминаний об утраченном счастье.

В пятнадцать лет она поступила в медучилище. Ей очень хотелось иметь ту же профессию, что и мамочка. Никто из ее сокурсников не знал о ее сиротстве. Она говорила о родителях, как о живых. Так подсказывал ей инстинкт самосохранения. Нельзя было обнаруживать перед чужими свое одиночество, а значит – беззащитность.

Если случалось какой подруге напроситься в гости, она ни за что не догадалась бы, что Ленка живет одна-одинешенька: на вешалке в прихожей громоздились в живописном беспорядке мужские и дамские вещи, валялась обувь. Казалось, обитатели квартиры, собираясь утром на работу, оставили после себя смешной кавардак.

Леся быстро наводила порядок, объясняя визитерше, как мало у ее родителей времени, как много они работают, а домашние дела взваливают на нее. А вечером приходят усталые, их надо кормить, обхаживать. Подруги понимали, что долго здесь не задержишься, слишком уж Ленка трясется над своими предками, боится нарушить их покой.

С ней было скучновато. Уж слишком она была правильная. После первого курса пристроилась подрабатывать на «Скорой», пошла на курсы лечебного массажа. Вела себя как немолодая. Одевалась ниже среднего, это при двух-то работающих родителях!

Леся ждала совершеннолетия как манны небесной. Ей очень хотелось избавиться от чувства внутренней зависимости и страха перед тетками, надзирающими за спокойным и организованным течением ее веселого отрочества, которые, приходя с инспекцией, считали необходимым шуровать по всей квартире, бесцеремонно спрашивая: «А это что тут у тебя? А тут почему пыль? Почему в холодильнике недостаточный набор продуктов для питания одинокого подростка?»

Шел самый конец восьмидесятых. У кого, интересно, мог быть полноценно загруженный холодильник? Все жрали, где что урвут. А тут эти лицемерные вопросы, от которых реально к горлу подступали рвотные спазмы.

В конце концов, Леся исхитрилась. Она обустроила декорацию. Как в самом настоящем театре. Наполнила водой пустые пакеты из-под молока и кефира, заклеила клеем БФ. Соорудила на заднем плане муляжи продуктов: колбасы, сыра. Купленные когда-то за гроши на рынке разноцветные деревянные яйца покрасила в белый цвет и рассовала их по ячейкам. На переднем плане красовалась кастрюля с настоящим супом – единственной реальной едой в этом царстве изобилия.

Спектакли под названием «Государственная забота об одинокой сироте» проходили после предпринятых мер на ура.

Однако страстно мечталось о свободе, которую она получит после восемнадцатилетия.

Глава 3
Мужчина

После училища она не так чтобы очень бедствовала. Повезло, что рано начала работать: уже до защиты диплома у нее было место массажистки во вновь открывшемся салоне красоты, появилась своя клиентура. Дамы, посещающие Лесины омолаживающие процедуры, давали ей щедрые чаевые. Недовольных ее работой не было. Она была словно рождена для такой деятельности: досконально владела приемами массажа, обладала сильными и чуткими руками, а главное, умела слушать, слушать и слушать любую трескотню клиенток.

Страшно тяготило одиночество, усугубляемое тем, что она его тщательно скрывала от посторонних. По натуре-то она была открытая и общительная, хохотушка даже. Но инстинкт самозащиты подавил в ней эти легкомысленные черты.

Она врала про родителей напропалую и ненавидела себя за это. Неприятно было считать себя лгуньей. Из-за этого комплекса все отношения с потенциальными объектами любви увядали, не успев расцвести. Бывало, она даже влюблялась. Начинала неотступно мечтать о приглянувшемся парне, как о возлюбленном или даже о женихе. Но всегда оказывалось, что к моменту увлечения новым молодым человеком она столько набалтывала объекту своей мечты о счастливой семейной жизни и любящих процветающих родителях, что внезапно саморазоблачиться не было уже никакой возможности. Ведь тогда сочтут вруньей или чокнутой. Персонажем из фильмов Хичкока. Никто ей не станет верить ни в чем и никогда.

Все эти соображения нашептывались ей гордостью. А гордость всегда изощренно жестока – она диктует свои безумные правила игры, приводящие к пустоте, одиночеству и провалу.

Чем меньше у Леси оказывалось возможностей создать собственную семью, тем сильнее и неотступнее она об этом мечтала. Но где встретить спутника жизни, если целыми днями работаешь, а потом заваливаешься домой дух перевести? И как не ошибиться? Кому довериться?

В двадцать лет она чувствовала себя безнадежной старухой.

И тут подвернулся Валерка, бывший одноклассник, знавший всю ее подноготную от и до. Просто случайно встретились в подземном переходе у самого Лесиного дома. Он окликнул, она бы не решилась, хотя краем глаза заметила его раньше.

– Ленка! Привет, что ли? Я смотрю – ты, не ты? Ну, ты цветешь!

Леся аж задохнулась от доброго слова, произнесенного человеком, которому вполне можно было верить.

Валера тоже вырос ничего себе. Заматерел. В плечах широкий, щеки румяные, челка на лоб спадает, как у киногероя. Леся даже позавидовала его девушке: какой, мол, красавец ей достался. То, что у такого плейбоя есть девушка, она не сомневалась. Тем не менее болтать с ним было легко и весело – с ним она не зажималась.

Он, оказывается, учился на художника, она и не знала про такие его таланты. Позвал к себе – картины показать. Она, не смущаясь, пошла. Какое может быть смущение с тем, кого с детсада знаешь?

Картины ей понравились – все в них было по-настоящему, как положено у художников: портрет так портрет; пейзаж так пейзаж. Красиво – глаз не оторвать. Он обрадовался ее восхищению, оставил пить кофе с вафельным шоколадным тортом, какие и у них дома водились в ее далеком бархатном детстве. Стал расспрашивать, чем она занимается. Она легко сказала про массажи, про то, что работы много, что вот хотела на врача учиться, но по времени не получается: работать надо, на себя зарабатывать.

Валера шутя попросил сделать ему массаж: плечи болят от вечных занятий живописью.

– А почему бы и нет? – согласилась Леся. – Ты мне показал, что ты умеешь, давай теперь и я покажу.

Настала очередь ему восхищаться ее талантами.

Она уходила от него счастливая и несчастная.

Счастьем было само время, проведенное с человеком, не казавшимся чужим. Несчастьем – то, что он не предложил увидеться еще раз, не сказал, что позвонит, никак не намекнул на возможное продолжение общения.

Она томилась несколько дней, выстраивала сюжеты возможных встреч, обещала себе, что, если еще раз его встретит, не будет такой дурой, постарается повлиять на ход событий. У нее все знакомые ее возраста имели парней, знали, что такое близость с мужчиной, обсуждали способы предохранения, выискивали места для интимных встреч. У нее – на двадцать первом году! – не было ничегошеньки. С Валерой можно бы было. Даже если и без перспектив, просто чтоб стать как все, перестать ходить в нецелованных. Он был идеальным вариантом. Она его не опасалась. Конечно, при его внешности у него отбоя нет от девиц. Но ей на тот момент ничего долгосрочного и прочного и не требовалось. Просто пусть сделает ее женщиной. Чтоб все произошло как бы ненароком, полушутя.

Требовалось пройти определенный этап. Жутко требовалось. И никого, кроме случайно встреченного Валеры, на горизонте.

Они опять ненароком увиделись. Так, во всяком случае, она подумала в первый момент, когда вновь опознала вожделенный силуэт у подземного перехода.

Но, оказалось, Валерка поджидал именно ее. Забыл, видите ли, спросить номер телефона, школьная записная книжка куда-то подевалась. А ему со страшной силой понадобился массаж.

«Ур-р-р-ра!» – вскричала она про себя. Но виду не показала. «Казаться гордою хватило сил». Пригласила к себе, накормила, чем могла, потом отработала часовой сеанс классического массажа. Так отработала, как никогда.

Разморенному негой Валерке просто ничего другого и не оставалось, как продолжить райское наслаждение с подругой школьного детства, которая не просто безотказно, а, можно сказать, поспешно и с готовностью шла навстречу всем его желаниям. Он даже не дотумкал, что имел дело с невинной девицей, у которой до этого ну ничегошеньки не было: ни полудетских ласк, ни поцелуйчиков, ни пробных объятий. Ему, наоборот, показалось, что она опытная и изощренная до невозможности. А она просто запасалась наслаждениями на потом, чтоб было о чем вспоминать в одиночестве. Кто знает, как сложится? А вдруг он больше не появится? Надо было получать по максимуму – все и сразу, как мечталось и мнилось. Бояться и стесняться ей было нечего и некого: не Валерку же, случайно попавшего в заколдованный круг ее грез, куда раньше никто не допускался.

Он отваливался от нее в изнеможении, она снова кормила его, знала, как восстановить мужские силы (до этого только в теории, но теория – великое дело, если бывают возможности практического ее применения), носилась с подносами из кухни в спальню, голая, бесстыжая. Массировала ноги, пах, живот, грудь. Просила лечь кверху спинкой, чтоб промассировать вновь и там, и там, и там.

Но Валерка уже снова мог и ложился кверху спинкой не на кровать, а на нее. Грубо так, по-хозяйски, расслабленно, как трудяга, решивший, шутя, перевыполнить норму желаний, чтоб опробовать до конца возможности собственного организма.

После всего, что случилось, вернее, получилось, она определила для себя этого мужчину как родного и единственного.

Он пока об этом не догадывался, хотя отношения продолжал. Виделись они довольно часто. Но каждый раз, прощаясь, Леся не знала, придет ли он еще. Он не говорил: «Увидимся», не звонил, не ухаживал за ней, как это полагалось. У нее тем временем возникли новые мечты.

Ей хотелось романтики, цветов, подарков, внимания, нежности, красивого замужества, крепкой семьи.

Недопонимала она, что не так Валерке досталась, чтоб хотелось ему ухаживать.

Все-таки каждый мужчина по природе охотник. Ему надо повыслеживать избранный объект, помучиться, покараулить. Только тогда он и ценит, когда добьется потом, кровью, терпением. А разве курицу из супермаркета станешь вожделеть? Хотя при умелом приготовлении из нее могут вполне получиться отборные деликатесы. Но страсти не рождает! Как бы вкусно ни было в процессе поглощения.

По-своему он к ней, конечно, привязался. Она ничего не требовала, всегда была доступна. Что еще надо?

О том, чтобы жениться, у него и мысли не возникало, никаким боком не выскакивало. Он был уверен, что все у них хорошо и правильно, по обоюдному, так сказать, желанию.

Однако Леся сделала ставку на него. И тут же стала осуществлять.

Почему бы ему на ней не жениться? Чем она ему не пара?

Зарабатывает на двоих – это раз, квартира в центре, в сталинском доме – это два, есть даже дача, на которой она, правда, была после смерти родителей всего пару раз – что ей там делать?

Но, по-любому, она – невеста с приданым, даже с завидным приданым.

И ей пора. По-настоящему пора. Перевалило за двадцать – должны же быть перспективы реальные. Куда дальше тянуть, чего ждать?

После первого такого «тонкого намека» Валерка просто опупел и не показывался две недели. Она уже горестно решила, что все кончено, и стала жалеть того, что было. Но он вернулся. Ее терпения хватило на три встречи, потом снова взялась за тему общей судьбы.

Она его уговаривала упорно. У нее исполнение желания выйти замуж стало просто маньяческой вехой. Идеей фикс.

Валерка пропадал, объявлялся, вновь пропадал. Она уже не расстраивалась, привыкла. Знала, что вернется. И ни о чем другом не могла с ним говорить, как о женитьбе. Вот он и сдался в конце концов. Она даже и надеяться перестала. Нудила на автомате: «Давай поженимся!» И вдруг он махнул рукой: «Ну, что уж там, давай».

Она все организовала сама: кольца, платье, костюм ему, букет себе, праздничное застолье. Все, что полагалось. Валеркины родители были вполне довольны: их зрелые умы отметили все плюсы данной кандидатуры. Они знали семью невесты, ее горькую судьбу, они знали квартиру, они видели, как пашет Лена, не отвлекаясь на капризы и закидоны. Время было более чем сомнительное, невеста – на редкость надежная.

Пусть.

Все и произошло. Создалась семья.

Вот тут-то новоиспеченному мужу и пришла пора платить по накопившимся счетам.

Глава 4
Прорвало

Она ничего такого заранее не планировала. Просто само собой прорвало. Назрело невыносимое раздражение. Ей же за все эти проклятые годы некому было выплакаться, некому было раскрыть душу, не к кому прислониться. Она напрягалась из последних сил. И когда оказалась наконец не одна, полностью сорвалась с тормозов. Неузнаваемые метаморфозы произошли в одночасье.

Мужу пришлось ответить за все, за все промахи фортуны, за все бестактности чужаков, за издерганные нервы, за отсутствие романтики в отношениях, короче, атаки были массированными и производились по всем фронтам.

Вот уж чего он не ожидал, так не ожидал! Ведь столько времени знались! И тесно общались – теснее некуда! Было время приглядеться всесторонне и определиться, чего можно ждать от будущей жены. До чего же чужая душа потемки!

Поначалу он надеялся, что Ленка вернется в свой первоначальный надежный и безотказный образ. Терпеливо, безмолвно ждал.

Потом она забеременела. По собственному горячему желанию.

Мало кто рожал в те лихие годы, но Леся знала, что не пропадет, ее сложившаяся надежная клиентура никуда от нее не денется. А ей надо было спроворить себе полноценную семью, какие бы там экономические эксперименты не ставили над страной оборзевшие дегенераты.

Во время вполне спокойно протекавшей беременности у нее вдруг раскрылись глаза на супруга.

Заметим для справки: это ей казалось, что глаза раскрылись. Это гормоны, бывает, шалят в беременных организмах. Своего рода отравление. Ну вот для примера: в современной литературе неоднократно талантливо и достоверно описывалось, как действуют на поведение и восприятие окружающего пространства человеком галлюциногенные грибы. Любопытный экспериментатор, вкусивший неведомый плод, начинает заговариваться, пугаться непонятно чего, бежать в неизвестном направлении от самого себя к самому же себе, проваливаться в пустоту подсознания, выныривать из нее, паниковать, блевать (извините за прямоту), конфликтовать с невидимым противником и многое другое тому подобное. Естественно, представители безликой серой массы, трусливо избегающие острых ощущений, страшатся как внешнего облика дегустатора мухоморов, так и многих поведенческих аспектов его бренного бытия. Хотя, если переждать и дать ему беспокойно пережить внутренний конфликт с самим собой, можно обнаружить вполне здравомыслящего и тихого субъекта, никому не желающего зла.

Так и с беременными особями. В них же сидит инородное тело. Может быть, даже с другой группой крови!

Ничего себе, а?

Со своими мозгами, сердцем, поджелудочной железой и селезенкой. С собственной судьбой, наконец. Возможно, совсем не вписывающейся в материнские планы и представления.

В организме женщины тем временем что-то ежеминутно происходит, чего раньше не было. И она, подобно пожирателю грибов, впадает в особое состояние.

Не все, конечно, не бойтесь. Но каждая вторая. Ну, ладно, каждая третья. И не обязательно тебе так повезет.

Да, главное, самой-то беременной это не очень и страшно. Она ни о чем плохом и не подозревает. У нее просто открываются глаза на всех, кто вокруг. Она видит чудесный сеанс разоблачения всех и вся. Она понимает, что под масками добрых членов семьи таились те еще монстры! И, ясное дело, напрашивается вывод, что монстров этих надо если не уничтожать на

корню, то, по крайней мере, сделать им жизнь как можно невыносимей. Чтоб не думали, что их деяния останутся незамеченными.

Конечно, добротно воспитанным, укрепленным родительской лаской и заботой барышням легче переживать собственную трансформацию из красной девицы, как говаривали в старину, в бабу. Но таким энергетическим недокормышам, как Леся, справиться с ситуацией никак не получалось.

Глаза ее открылись на все сто процентов. Все аспекты личности и жизненной позиции с таким упорством заполученного главы семейства подверглись тотальному пересмотру.

Как прежде неустанно настаивала она на законном браке, так теперь без устали она разоблачала его многочисленные недостатки: профессиональную несостоятельность, отсутствие материальной стабильности, домашнее ничегонеделание, нечуткость и невнимательность к женским нуждам и чаяниям, а также мужскую маломощность.

И тут преступила! Крушила все, что сама выстроила настырными усилиями. Ничего стало не жаль.

Не будь она беременна, Валера, как и любой другой мало-мальски уважающий себя индивидуум, после первого же разоблачительного выступления такой эмоциональной мощи растворился бы в сиреневом тумане. Но ради семейного будущего пришлось, стиснув зубы, терпеть полное безобразие.

Всего-то девять месяцев, подумаешь!

Через девять месяцев родилась девочка Любовь, Любочка.

Мужу к этому времени имя новорожденной казалось насмешкой. Но он, как мог, лямку тянул.

Леся перестала лютовать, но и ценить брачные узы перестала тоже. Слишком много сказала чего надо и не надо. Довыступалась так, что сама себя убедила. Большая часть времени уходила у нее на клиенток, приезжавших временно к ней на дом, и на уход за младенцем. Валера уезжал в свою квартиру, что-то там живописал целыми днями.

Толку – чуть. Не продавалось ничего, хоть ты тресни. Он метался, тыркался, куда мог. Она по-тихому подкалывала. Не так, как в благостный период ожидания будущего ненаглядного малютки, но вполне ощутимо, чтобы мужу перестало раз и навсегда хотеться быть мужем.

Любочке был годик, когда он, уйдя в очередной раз предаваться профессиональным радостям, не вернулся к семье ночевать. И еще несколько долгих ночей не возвращался.

Вот тут Леся основательно струхнула. Как-то вдруг отчетливо вспомнилось былое одиночество, все чувства разом всколыхнулись. Пришло горькое осознание ошибок и просчетов.

Она честно призналась самой себе, что вела себя с Валерой как распоследняя сволочь и мразь. Она искренне удивлялась, что Валера оказался таким терпеливым и добрым и так долго сносил устроенный ею семейный беспредел. Она ни о чем другом не мечтала, как только вернуть его, вымолить любой ценой прощение и полное забвение нанесенных ею жгучих обид. Кинулась к свекру и свекрови. Те держались отчужденно, видно, Валеру все же прорвало и родители ознакомились с содержанием ее разоблачений и нареканий. Где муж, они не сообщили. Разбирайтесь, мол, сами, взрослые люди уже. Мы вас не сводили, не нам и разводить.

– Я его люблю! Я очень люблю вашего сына! Любочка страшно тоскует! – горько плача, приводила Леся более чем весомые аргументы необходимости Валериного присутствия.

То ли доверчивые родители дрогнули, то ли мягкосердечный Валера не устоял сам, но он все же довольно скоро объявился.

Леся была как шелковая. Даже не так – как та, какой была в первый их раз: готовая на все, восторженная, услужливая, безотказная. Она обрабатывала его, как всех своих клиенток, вместе взятых, ублажала, убаюкивала, убеждала.

Он снова доверился ей. Она даже некоторое время чувствовала себя абсолютно счастливой. Безусловно, безоговорочно. Жаль, что длилось это состояние недолго – до следующей желанной беременности.

Все повторилось с точностью до мелочей.

Родился замечательный сын. Ян, Яник. Леся сама предложила назвать мальчика в честь свекра. Надеялась загладить то, что пришлось пережить мужу во время вынашивания ребенка. Потом уже ей не удалось никакими ухищрениями, вольными и невольными, вернуть его доверие. Так, жил с ней – двое детей все-таки. Выгуливал их, играл. С ней, женой, – ни рыба ни мясо, вялый, отчужденный.

Несколько долгих лет тем не менее кое-как, через пень колоду, протянули. Потом черт ее дернул начать выяснять отношения. Любви ей хотелось. Страшно не хватало любви. Она и упрекнула мужа в безразличии, в явной недооценке ее усилий, хотя она работала на семью, как раб на галерах.

Тут-то его и прорвало. Окончательно расставил все акценты. И ушел, можно сказать, навсегда.

То есть общался с детьми, куда-то с ними ходил, учил Яника рисовать (у того получалось), приносил жалкие деньги. Но с Лесей общения избегал определенно.

Она смирилась.

Она прекрасно понимала, что терпеть ее в минуты раздражения, гнева, отчаяния не смог бы никто. И что Валера героически вытянул семейную повинность в течение десяти лет. Никаких претензий быть не могло.

Но и себя она не собиралась оправдывать. Она чувствовала, что все эти обличения, слезы, крики были проявлением болезни. Наверное, она заболела тогда, в детстве, оставшись сиротой. Болезнь ушла глубоко внутрь, пустила злые цепкие корни и проявлялась в самый неподходящий момент, именно тогда, когда совершенно нельзя было.

Странно, что ни на детей, ни на клиенток, ни на коллег ее подсознание не реагировало болезненно и бескомпромиссно. Только на мужа.

Леся, будучи медиком, пыталась поставить себе диагноз, чтобы разобраться в себе. Она рылась в томах Большой медицинской энциклопедии, оставшейся от мамы. Это увлекательное чтение вело к ипохондрии – любая страница с описанием болезни приводила в ужас, и симптомы каждого недуга она обнаруживала у себя.

В конце концов, после продолжительных и тяжелых поисков Леся определилась. Ей показалось, что из всего многообразия человеческих немощей к ней больше всего подходит маниакально-депрессивный психоз. Уж очень многое детально совпадало.

Диагноз она примерила к себе уже потому, что это заболевание протекало фазами – периоды депрессий и маний разделялись интермиссиями, то есть состояниями с полным исчезновением психических расстройств и с сохранностью свойств личности.

Описание клинической картины удручало своим безжалостным сходством с ее состоянием:

«Нередко задолго до первой выраженной фазы маниакально-депрессивного психоза появляются субдепрессивные расстройства. Продолжительность этих состояний различна – от нескольких часов до нескольких месяцев; они возникают либо спонтанно, либо связаны с какими-то добавочными факторами (психической травмой, инфекцией, гормональными сдвигами)…»

Вот именно! Психические травмы и сдвиги! Да еще какие! Но кому от этого легче, кто это выдержит?

Леся обнаружила, что страдает маскированной, упущенной депрессией, весьма, как обнадеживал солидный фолиант, распространенным и труднодиагностируемым заболеванием.

Нападки же на Валеру легко объяснялись психозами, приходящими на смену депрессии.

Настроение от подобного открытия не улучшилось, возникли страх, тоска, чувство вины и безнадежности.

Кроме того, жутко не хватало мужчины. Буквально холодно было одной спать. Спасалась детьми – звала их к себе, читали допоздна, смотрели телик, засыпали вместе: чудовищно неправильно, но иначе сна не было бы вообще, а как тогда работать?

Кстати, работа тоже достала выше крыши. Вооруженная знаниями Леся у всех клиенток, даже самых приятных и относительно молчаливых, обнаруживала теперь признаки депрессий и маний, что вызывало у нее некое брезгливое чувство по отношению к ним, как, впрочем, и к себе. Уж во всяком случае, психические травмы и гормональные дисбалансы были у всех посещающих ее прекрасных дам, как бы благополучны они ни казались.

Вот это да! А куда деваться? Сделать-то что-то можно или нет? Или просто затаиться и выдавать себя за нормальных, благодетельных, добрых, мягких, каких в книгах полно, а в жизни не сыскать?

В общем, Лесе очень хотелось, чтобы работа отвлекала ее от нее самой, а не усугубляла болезненное состояние постоянным общением с сестрами во психозе.

Как ни странно, помощь пришла со стороны Валеры. Его друг, режиссер нового популярного театра, искал талантливого гримера. Долго и безуспешно. Ему нужен был человек творческий, понимающий, обладающий вкусом, тактом, чутьем и талантом. Владеющий искусством последнего штриха, как он говорил. Последний штрих – это как мановение волшебной палочки – превращает актера-человека с его бытовыми проблемами, болячками, нервами, срывами в персонаж пьесы, заставляющий зрителя довериться и перенестись в другую реальность.

Почему-то Валера был уверен, что всеми вышеперечисленными качествами обладает его бывшая жена. Все-таки что-то, видно, он про нее понимал не только плохое.

Режиссер почему-то поверил другу. Леся почему-то согласилась. А что она теряла? Клиентки ее психбольные никуда все равно не денутся. А театр – это ее давняя мечта. Она была уверена, что несбыточная.

Сбылось! Совпало!

Жизнь стала разноцветной, полной неожиданностей, новых лиц и ситуаций.

В театре у нее была своя комнатка с кучей всего, что надо и не надо по работе. Комнатку эту Леся любила гораздо больше, чем свою квартиру, в которой испытала она столько бед и потерь. Дети ее тоже обожали театр, просились в ее каморку ежедневно – у них там тоже поднималось настроение.

Глава 5
Любви!

Любочка подросла. Яник тянется за сестрой. Люба становится уже девушкой. Красивой, как ее отец. Все у детей есть. Только у их матери нет личного счастья.

Лесе очень хотелось замуж. Опять. И не просто замуж, а по настоящей красивой любви. Она поняла, в чем совершила промах с Валерой. Элементарно. Она его никогда и не любила. Вот и все. Вцепилась тогда, по сути, в первого встречного.

Тут она себя не винила. Правильно сделала. Но, получается, без любви – никак. Хотя и одной любви мало. Женщине нужна крыша. В блатном, мафиозном понимании этого святого слова. Покровительство, защита, опека. За крышевание платят все. Часто очень много. Мало кто из женщин догадывается, что найденная ими крыша тоже потребует с них дань за обеспеченный покой и уверенность. В результате крыша съезжает. Приходится искать новую и обвинять старую в предательстве и непорядочности. Другое дело, когда любовь. Она цементирует – будь здоров. И крыша прочно держится на надлежащем месте годами и десятилетиями.

Вот о таком ей мечталось.

Самое смешное – и тут не обошлось без Валеры.

У него в последнее время дела пошли в гору, картины начали продаваться, и очень даже активно. За солидные бабки. Он простодушно делился с Лесей наконец-то осуществившимися долгожданными успехами и образовавшимися финансами. Она даже втайне удивлялась, что он такой незлопамятный и отходчивый. На детей ничего не жалеет, помнит, кому что нужно. И ее, Лесю, не попрекает их общим неудачным прошлым, не вспоминает те гнусные словечки, которыми она его гвоздила в припадках немотивированной злобы.

– Видишь, – говорит, – если долго мучиться, что-нибудь получится.

Однажды он зашел к ней не один.

Сначала его спутник показался Лесе даже неприятным: невзрачный, с колючим взглядом, говорит пришепетывая. Лицо и манеры отрицательного персонажа – так она на первый вгляд определила.

Вот тоже – чудеса человеческого мировосприятия!

Валеру, в будущем нелюбимого и гонимого, сразу-то впопыхах обозначила как голливудского красавца, а любовь всей ее жизни выявилась первоначально в облике быдловатого и не очень опрятного мужичка.

– Вот, знакомься, – сказал Валера, – это Саша. Это он помог мне поначалу картины продавать. С него все пошло.

– Здрасте, благодетель! – поприветствовала неприятную личность Леся.

– Саша, это Леся, – обстоятельно продолжал Валера.

Лесю даже передернуло. Валера прекрасно знал, как она относится к своему имени. Для чужих проходимцев она была Лена, Лена, Лена! И нечего посвящать всех и каждого в семейные детали.

– Лена, – поправила Леся.

– Моя бывшая одноклассница и жена, – продолжил Валера, – мать моих любимых и единственных детей.

– Есть будете? – сменила тему фамильных связей Леся.

– Если дашь, – с готовностью согласился «бывший одноклассник».

За едой и бутылкой доброго вина все как-то смягчилось и разъяснилось.

Валера, притащивший кучу всевозможных немыслимо интересных игр, отправился с детьми в другую комнату разбираться с подарками.

Неожиданно для Леси между ней и Сашей завязался разговор, заставивший ее мгновенно прозреть.

Саша был ветеран. Афганец. Герой. Вино и домашний уют развязали ему язык, и он резко, с болью предался воспоминаниям.

– Гражданские – суки. Черви сортирные. Я страну, б…дь, защищал, а меня, как глисту, раздавить собрались. Хрен я им только дамся, уродам помойным! Я ребят из «Альфы» поддерживал, когда дворец Амина брали. Со снайперкой сидел. За это первый орден Мужества отвалили. У меня четыре ордена Мужества, б…дь! Да нас таких по пальцам пересчитать на весь Союз! Все сперли в Москве поганой. Вышел из поезда с тремя сумками, оглянулся – одной нет. А там, б…дь, все, нах, б…дь! Героя СССР вот-вот должен был получить! Бумаги пошли, представление. Не дали. Потому что командование, б…дь, сволочи, кровопийцы. Сами, нах, в тылу ошивались, крысы отравные. А мы своей кровью Афган поливали. Награды им, а нам – хрен, б…дь, собачий. Вот, дали вот эту вот ксиву. Любоваться я на нее должен, что ли? Молиться? Ее, б…дь, с маслом не съешь!

Саша зло покопался в нагрудном кармане и рывком выудил оттуда потертое красное удостоверение с тисненой золотой надписью: «Ветеран Афганистана». На фотке он выглядел солиднее и краше, как и положено подтянутому и привычному к дисциплине военному человеку. В документе значилось, что майор запаса Александр Игоревич Прыгун действительно является воином-интернационалистом и ветераном.

Леся с уважением и трепетом вернула заслуженную смертельным риском красную корочку законному владельцу.

Саша выдержал недолгую паузу, собрался, звучно выдохнул, рывком поднес к губам бокал, жадно глотнул. Посмотрел пристально на внимательную слушательницу, готова ли?

– Нас на базе в Фергане учили людей одним махом резать. Ходили, б…дь, по локоть в крови!

– Не надо, – пожалела Леся.

– Надо! – крикнул Александр и ударил кулаком по столу. Больно, видно, ударил, потому что досадливо посмотрел на руку, пошевелил пальцами. – Вы тут ничего не знаете в своей сволочной, зажравшейся Москве. А мы тогда за всех отдувались. Здесь только команды отвешивают. А гибли мужики тысячами – там! И какие, б…дь, мужики!

В Сашином голосе слышалось рыдание, но он его подавил.

Леся понимала, что такое душевные раны, как долго назревают нарывы и как потом выплескиваются.

Сердце ее переполнялось глубоким пониманием.

Какой человек! Страдалец какой! Сколько испытал! И после этого находит в себе силы жить, помогать другим (подразумевался изнеженный в зажравшейся Москве, до мозга костей штатский Валера, конечно), которые вовсе такой помощи и не заслуживают.

– Вот был случай. Бросили на парашютах спасать колонну. Они там в засаду попали. А нас, б…дь, на парашютах спасать их бросили, нах. Отбивались до последней гильзы. Душманы, духи, по-нашему, накрыли этими, б…дь! Минометами, нах! Всех порешили. Вдвоем мы с корешом спаслись. Трупами прикинулись, уползли ночью. Духи, б…дь, они, как волки, все чуют, слышат. А мы ползем. Не унюхали. Спаслись! Чего ради только! Ранения получал, несовместимые с жизнью, б…дь! А у меня совместились!

Саша рывком вздернул рубаху и показал тонкий шрам в правой части живота.

– Похож на аппендицитный, надо же! – ужаснулась Леся.

– Осколочно-фугасное ранение. Чудом уцелел. Шесть контузий получил.

Саша опустил рубаху и пригорюнился.

Да, этот парень хлебнул сполна настоящего горя. С этим мы бы друг друга поняли, пришла в Лесину голову шальная мысль.

– Знаешь, – обращаясь прочувственно к Лесе, произнес заслуженный ветеран, – знаешь, почему у наших ребят лопатка всегда была заточена?

Леся отрицательно мотнула головой, с ужасом ожидая ответа.

– Головы врагам косить! – на выдохе выговорил Саша и вновь опустил грозный кулак на стол. – Меня во всем полку отличали. Я в рукопашке первый был! А теперь что? На рынок поганый вещевой загнали! Всю страну в вонючий рынок превратили! Знали б мы! Хоть один процент поганого житья представили бы! Последние жилы из себя вытягивали! Однажды, б…дь, отбился от своих, нах, с парашютом не туда отнесло. Несет, б…дь, и несет. И орать нельзя, духи услышат, откроют, нах, огонь на поражение! Пешком потом пол-Афгана прошел. По компасу. А это не прогулка, б…дь, под луной по липовым, б…дь, аллеям. Это сказать – легко, сдохнуть – легко, а выжить? Попробуй! Шел и полз, нах! Шел и полз, перекатывался! К своим пробрался. Кому, нах, теперь надо?

Удивительно, но Лесю совершенно не смущали щедрые междометия, используемые орденоносцем через каждое вразумительное слово.

Ему было можно, при такой-то горькой судьбе.

Она долго не могла уснуть после их ухода, все вспоминала жуткие Сашины истории, кошмарный шрам. Подумать только, как он выжил! Ранение брюшной полости! И действительно – ради чего? Хорошо отблагодарила родная держава – торгашом рыночным сделала.

На следующий день он почему-то снова пришел. Один, без Валеры. С великолепным букетом!

Лесе никто никогда в жизни не дарил цветы. Даже на свадьбу белые розы купила она себе сама. Жениху и в голову не пришло. А тут – совершенно чужой человек! Такое испытавший! А понимает.

Сашины цветы стояли долго, не вяли. Значит, с душой выбирал.

На следующий день принес шоколадные конфеты.

Потом опять невероятной красоты цветы.

Потом огромный торт.

Леся жутко смущалась. Такие явные и дорогостоящие знаки внимания!

За что? Он ничего не просил взамен, ни на что не намекал. Подарки были сильнее намеков.

После того, первого раза он больше не пил в ее присутствии, ни о чем из прошлого не рассказывал. Просто приходил, приносил очередной гостинец и через полчаса уходил, обещая, что придет завтра.

Леся понимала, что он за ней ухаживает. Ей не надо было проявлять никаких инициатив, ничего подгадывать и предугадывать, он сам показывал свой интерес и стремление к ней.

Однажды ее, возвращавшуюся домой из театра, с ног до головы облила машина, промчавшаяся по глубокой луже. Грязь из лужы текла по лицу и беленькой курточке, которой Леся гордилась: она ее удивительно молодила. У нее даже сил не было как-то отреагировать на произошедшее. Она брела к своему подъезду в полном изнеможении. Там и столкнулась с Александром, тащившим ей очередной букет.

Он с полувзгляда все понял.

– Иди домой, – велел.

Она послушалась. Дети спали. Она умылась, причесалась. На курточку старалась не смотреть – с белого липкая московская грязь не смоется ничем, можно выбрасывать.

Вскоре вернулся Саша. С пакетом.

– На, не горюй.

Из пакета выскользнула ей на руки абсолютно новенькая белая курточка, точь-в-точь как у Леси.

– Кореш мой ими торгует, повезло просто, – отмахнулся Саша в ответ на Лесин неизъяснимый восторг.

Вот так вот завоевывают женские сердца!

Вскоре произошло объяснение.

Саша зашел в очередной раз в гости и вдруг сказал, что любит ее и собирается жениться. Дети не помеха, прокормит. (Про детей сказал сам, первый поднял тему.) Леся не раздумывая ответила, что тоже любит его. Очень. Что впервые и поняла, что такое настоящая любовь.

Саша признался, что есть проблема, но он ее быстро решит. Он пока еще законно женат. Детей нет. С женой не живет. Не понимает она его. Предала с другим. Он все время работал, ради нее горбатился, кишки готов был на столбы наматывать. А она вот предала.

– Я не предам, – пообещала Леся. – Никогда. Увидишь.

– Вижу, – кивнул Саша.

Между ними в тот чудесный, волшебный раз совсем ничего не случилось. Никакой близости, даже намека. Хотя Леся очень хотела, прямо растворялась в желании.

Но Саша сказал, что все будет в законном браке, он не шашни с ней собрался заводить, а семью на всю оставшуюся жизнь.

– Так что еще накувыркаемся, – успокоил он.

Вот это был настоящий порядочный заботливый мужчина.

Мужчина с большой буквы!

Лесе было жутко страшно, вдруг он в последний момент раздумает разводиться, вдруг что-то опять помешает ее долгожданному счастью.

Он все сделал, как обещал: четко через месяц развелся, а через два они уже были мужем и женой.

После регистрации у них произошла первая брачная ночь. Леся ужасно волновалась, боялась не понравиться ему. Купила специальное белье, как в кино. Устроила сказочную кровать.

– Свет потуши, – приказал Саша и принялся раздеваться в темноте.

Она не знала, как ей поступить, чтоб ему понравилось.

– Ложись давай, ты чего там? – подбодрил муж.

Она торопливо разделась, плюхнулась в кровать и прижалась к любимому.

Долгих ласк не было.

Настоящие мужчины не канителятся.

Он зажал ее, больно стиснул и быстро отлюбил. Все сам! Ей не пришлось ничего изобретать и изощряться. Вот оно – воплощение мечты.

Наконец-то она поняла, что такое – любить и быть любимой.

Удивительно было только одно: все окружавшие Лесю знакомые и как бы друзья почему-то невзлюбили Сашу. Клиентки отказывались приходить к ней на дом. «Уж очень мрачно смотрит твой Отелло».

– Он ветеран, войну прошел, – объясняла Леся.

Но это почему-то никого не убеждало.

Саша не любил показываться с ней на людях – такой характер. Он, наверное, даже не знал, в каком районе мегаполиса находится ее театр. Но знаки внимания не прекратились – вот что было главное для Леси. Он помнил о ней, когда они не вместе. Ревновал к другим. Чем же плохо, если это проявление любви? Дома они разговаривали. Она с ним во всем советовалась. Делилась расстройствами. Он утешал.

Вот что интересно – она, выйдя замуж, ни разу не впала в истерику, не испытала то состояние раздражения, граничащего с ненавистью, какое возникало у нее с первым мужем.

Она жалела Сашу. Она даже боялась его – в хорошем смысле слова. Боялась огорчить, подвести. И куда девался маниакально-депрессивный психоз, еще совсем недавно обнаруженный!

Саша был щепетильный до ужаса. Отказался прописываться в ее квартире, хоть и не был москвичом.

– Я не для того женился, чтоб примаком быть! – заявил он.

Не велел ей брать его фамилию: нехорошо, когда у матери и детей фамилии разные. Незачем ребят обижать, у них и так жизнь переменилась.

Одно было плохо: он вынужден был нередко отлучаться по своим торговым делам. Крутился, челночил. В основном в Турцию мотался, уставал ужасно. Но не жаловался.

– Прорвемся, – говорил.

– Конечно, прорвемся, – уверяла Леся. – Главное, уезжал бы ты пореже.

– Вот встану на ноги, обоснуюсь. А сейчас – терпи.

Глава 6
Проблемы

Дети к Саше относились неплохо. Зажимались, конечно, с непривычки. Он нежности разводить не умел. Подарки приносил исправно: одежки, игрушки с рынка.

Леся была уверена: привыкнут. Про себя отмечала – они явно веселели, когда Саша отлучался. Что поделаешь, насильно мил не будешь. Она готова была терпеть и приспосабливаться. Время – лучший помощник. Потом поймут, какой человек оказался рядом, как им всем повезло несказанно.

Так что все не просто хорошо, а идеально хорошо. Как мало у кого.

Несколько месяцев длилась эта идиллия. Потом на смену пришли некоторые неприятности – и мелкие, и покрупнее.

К крупным она относила Сашины проблемы. На него наехали. Она теперь вполне восприняла его терминологию и понимала, чем может грозить наезд мужу. Он же бескомпромиссный, отважный до ужаса. Ни с кем не сговорится дипломатично, на уступки не пойдет. Потребовали больше отстегивать за торговую точку, он отказался, вот и возникли сложности.

– Могут пожечь, – объяснял Саша. – А то и того…

– Что? – ужасалась Леся, прекрасно понявшая с первого раза, что имеется в виду.

– В асфальт закатают, – невесело усмехался любимый.

– Что же нам делать? Так же нельзя просто сидеть и ждать. Может, в милицию?

Этим она Сашу насмешила до колик.

– Так милицейские и закатают! Эх, сказанула.

Да, да, конечно. Нельзя же быть такой наивной!

Лесе стало жутко стыдно за себя. Кому, как не ей, знать, как старается милиция беречь своих граждан.

– Как же быть тогда?

Саша молчал.

– Слушай, давай уедем, а? – предложила Леся. – Уедем отсюда вообще. Я давно мечтала. У меня с этой квартирой столько горя связано, ну ее совсем. Уедем куда-нибудь в другой город, купим там дом. Воздух почище будет, люди поспокойнее. Работу себе я всегда найду, проживем.

Саша посмотрел с интересом.

– Мне и самому Москва ваша вот где стоит. – Он рукой по горлу, как ножом, провел. – Только куда по России уедешь? Они, как возьмутся, везде достанут. Я жулье это знаю. Им человека замочить, как тебе плюнуть.

Леся содрогнулась. Мысленно она заметалась в поисках спасения. Но тут Саша раздумчиво произнес:

– В Турцию бы можно. Там море. Виллу можно у моря купить. Ты бы салон красоты открыла, я бы магазинчик оборудовал. Детям раздолье.

Он никогда о детях не забывал! Раньше, чем она, мать, предусматривал их интересы.

– А разве разрешат нам в чужой стране? Что-то открывать, жить долго? Мы и языка не знаем, – усомнилась Леся.

– Туда вообще без визы можно, ты чего? – удивился ее серости Саша. – Прилетаешь, двадцать баксов платишь пограничнику и – гуляй, Вася. А язык? На хрена козлу гармонь? Ты же массажи не туркам будешь делать, а своим же, русским. Там туристов наших больше, чем самих турок. Средства только имей, и заживешь там, как шах. Квартиру если продать… А не жалко?

– Совсем нет! – уверила Леся. – Я ее ненавижу. А продать можно за огромные деньги. Тебе на магазин, мне на салон и еще на дом хватит. У нас соседи продали точно такую, как наша, за восемьсот тысяч!

Саша даже присвистнул.

– Восемьсот тысяч чего? – решил уточнить на всякий случай.

– Долларов, конечно, – нежно улыбнулась довольная сюрпризом Леся. – Я у тебя невеста с приданым, а ты не знал?

– С этой продажей одна морока будет, – предупредил Саша. – Несовершеннолетних просто так не выпишут, их куда-то в другое место прописывать придется. Органы опеки должны вопрос рассматривать.

Как же Леся ненавидела эти сволочные органы опеки! Ей все детство испортили, теперь из-за них может сорваться такой удобный способ спасти любимого мужа.

И внезапно ее озарило:

– У меня же дача есть! Как это я забыла! Совсем про дачу забыла, вот это да! Там уже, наверное, все поразвалилось, но земли кусок большой и прописаться можно. Я точно знаю. Мы туда пропишемся. Там, если по документам смотреть, дом в два раза больше этой квартиры по площади! Видишь – выход всегда есть.

Саша заметно повеселел.

Показал ей свой загранпаспорт, марочки, которые наклеивают турки при пересечении границы. У него там была куча марочек – символов их разлуки.

У Леси с детьми не было загранпаспортов. Ее охватил ужас – такая проволочка.

Промедление смерти подобно.

Но Саша успокоил. Не все так уж безвыходно. Пару-тройку месяцев можно продержаться. Пусть они, преследователи, его даже на время поставят, он согласится, все равно ж они с Лесей слиняют, потом ищи-свищи ветра в поле. Прорвемся!

Дел стало много. Она буквально с ног валилась, чтобы все успеть. Раньше только от работы и уроков с детьми смертельно уставала, а сейчас такого прибавилось, такое навалилось!

Приходили покупатели смотреть квартиру. Каждому расскажи, покажи, а это все время, усилия.

Собирала бумаги для паспортов. Тоже – пустячок, а приятно. Собрать своих, сделать фото, анкеты заполнить, печати на них поставить, а всюду очереди, очереди…

И все это в строжайшей тайне.

Саша реально предупредил: даже если хоть полслова скажешь даже только самым своим – те, кто преследует его, обязательно пронюхают, у них знаешь как дело поставлено.

Даже Валере не велел пока об их планах хоть что-то говорить. Перед самым отлетом объясниться можно. Он поймет. Дети ничего не теряют. К отцу захотят на побывку – милости просим, чартеры стоят копейки. Школы там есть, английские, немецкие. Он узнавал.

Тут с ней стали приключаться всякие непонятные происшествия. Случаи. Именно случаи, в чистом виде, никем, кроме стечения обстоятельств, не подстроенные.

Вот, к примеру, маленькая радость: торопилась на работу, среди бела дня провалилась в раскрытый канализационный люк.

Рабочие только сковырнули крышку и отошли на полсекунды, чтоб оградительный знак притащить. Этих коротких мгновений вполне хватило, чтоб со всей дури нырнуть туда Лесе. Она, правда, падая, руками за что-то ухватилась, так что голова осталась на поверхности, а ноги некоторое время болтались над пустотой. Вытащили ее очень быстро.

Ущерб – ободранные ладони, испачканная одежда и сильный шок – даже не обсуждался.

– В рубашке родилась! – определили работяги, не чувствуя за собой никакой вины.

Леся кое-как прихромала домой, переоделась в чистое, руки обработала йодом и отправилась по делам.

Даже Саше забыла потом рассказать.

Через пару дней, проходя мимо дома-новостройки, она услышала раздававшийся сверху странный звук, то ли треск, то ли стук, непонятно. Остановилась посмотреть, задрала голову и едва успела отскочить: у самых ее ног рухнула и разлетелась вдребезги пустая малярная люлька.

Вопрос «быть или не быть» решился за один кратчайший миг.

Будь у нее реакция чуть-чуть похуже, не жить бы ей больше на белом свете.

Потом вообще полная мистика: ей на голову упал кирпич!

К счастью, не целый. Такой небольшой даже кусок, но достаточно ощутимый. Возникла шишка, формой и злой пульсацией напоминающая пробуждающийся вулкан. И случилось это у собственного родного дома. Ошеломительный успех: опять осталась жива!

Тут она вспомнила классику: кирпич никогда ни с того ни с сего никому на голову не падает. И задумалась.

Ясно было одно: никто из простых смертных не подстраивал Лесе специально эти головокружительные трюки. И при этом угрозы возникали нешуточные. А у нее муж в опасности и дети малые.

Стоило призадуматься.

Особенно смущал этот хрестоматийный кирпич. Он-то тюкнул ее по темечку с каким-то явным намеком. Она это очень чувствовала.

Рассказала Саше, но он ничего странного не усмотрел: Москва – помойка, чего еще тут ждать. Ладно, мол, потерпи.

А что еще оставалось?

Но кирпич не давал покоя.

Это был знак. Может быть, сообщение о грозящей опасности. Но зачем дополнительно сообщать: Леся и так все знала про угрозы Саше. И торопилась, как могла.

Гадости продолжали смущать ее покой.

То машина чуть не сбила, когда она честно шла переходить улицу на зеленый свет. То на ровном месте, опять же в родном подъезде, поскользнулась и летела с лестницы целый пролет. Это весело, когда смотришь кинокомедию. Но на себе испытывать вряд ли стоит. Совсем не смешно.

Леся думала, что побывала почти во всех комедийных ситуациях. Только торт ей в лицо не бросали.

Остальное – буквально все, по списку.

И в лифте застряла. В лифте, на котором поднималась всю свою сознательную жизнь без каких бы то ни было эксцессов.

И расшибла колено о сложенные в подъезде стройматериалы: квартиры в доме раскупались вовсю, и ремонт не прекращался. Пора бы привыкнуть, а она вот шибанулась так, что колено распухло не на шутку.

Тут могло быть только два варианта.

Первый: у нее все же продолжается вялотекущий маниакально-депрессивный психоз, благодаря которому она сама подсознательно ищет возможности суицида. Кто его знает, это наше необъяснимое подсознание? Может, ему не нравится, когда у индивидуума все в норме? Может, ему нужны приключения и экстрим? Но кирпич! Подсознание никак не могло повлиять на падение кирпича! Вот в чем загвоздка.

Тогда второй вариант. Судьба ее предупреждает. Ткнет носом в опасность – и отведет. Ткнет – и отведет. Если проанализировать все случаи, можно найти парочку общих элементов. Наиболее явный – главной героиней всех сюжетов выбрана она. Кроме того, все события свершаются в непосредственной близости от ее родного дома, с которым ей, к счастью, предстоит вскоре распрощаться.

Итак, объект (она) и место (дом). Поневоле напрашивается вопрос о времени. С какой периодичностью все происходит? Регулярно?

Пожалуй, нет. Скорее, если вдуматься, события учащаются. Словно бы повторяются для особо тупых.

Теперь уже до невозможности часто.

Прошлым вечером, например, на нее было совершено нападение.

Как говорится, нервных просят удалиться.

Поздно возвращалась со спектакля. Можно подумать, в первый раз. Шла с максимальной осторожностью по собственному двору. Не сказать, чтоб было безлюдно и зловеще. Голоса подростков с детской площадки раздавались, собачники окликали своих питомцев в районе помойки.

Все как всегда.

И вдруг чья-то ручища зажимает ей рот, а у горла она ощущает острый холодок. Нож, стало быть, приставили. И тут же голос с милым сердцу акцентом:

– Сумка давай, каму гаварят!

– М-м-м! – мыкнула с готовностью Леся в том смысле, что бери, пощади только.

В тот же миг нож резко падает на землю с характерным звуком, одновременно разжимается грязная ладонь, не дававшая ей дышать, слышится сдавленный вскрик и мощный рев:

– А ну! С…бался в ужасе!!!

Леся ошеломленно разворачивается.

Дворовое освещение позволяет ей насладиться видом поверженного грабителя, бесформенным тюком валяющегося у ее ног. Над ним возвышается человек-гора, прямо-таки воплощенный былинный герой. Сквозь мужественные черты богатыря проступает знакомый облик. О, как вымахал тот самый бравый шкет, что сообщил ей когда-то о маминой гибели!

Он поднимает тушку залетного криминального элемента и внушительно объявляет:

– Это мой двор, понял? Увижу еще раз – жить не будешь. Сейчас будет просто бобо, в следующий раз – кранты! – И, повернувшись к Лесе: – А ты беги домой, не бойся.

Леся послушно поспешила к подъезду. Оглядываться не хотелось.

В тот миг, когда она поняла, кто ее только что спас, пришло ей в голову слово: «Вестник». Тот малыш тогда был вестником страшного события. Он и тогда смягчил удар, подготовил, что ли.

И сейчас – почему именно он спас ее? За секунду до нападения никого не было поблизости.

«Ну, это ты брось. Грабитель-то был. Ты просто его не заметила. Значит, и спаситель находился неподалеку».

Дело не в этом. А вот в чем: почему именно он и какую весть на этот раз должна она воспринять?

Именно после этого случая она убедилась в том, что провидение явно старается предупредить ее о грозящей ей (именно ей, а не Саше) опасности. Как бы дико и сумасшедше это ни звучало, но у Леси сомнений не было. Оставалось только продумать, откуда эта опасность может исходить. Ничего такого в голову не приходило.

Была не так давно неприятная встреча, но произошла она уже после того, как начали поступать предупреждения.

Это было нездолго до очередной Сашиной отлучки в Турцию. Вернулась она домой. В прихожей с удивлением заметила чужую женскую обувь, сумку. В гостиной обнаружила Сашу за накрытым столом, угощающего незнакомую даму.

«Надо же, не на кухне, а в гостиной накрыть не поленился!» – мелькнула обидная мысль.

Саша почему-то глянул на Лесю с досадой. Или ей от неожиданности так показалось? Скорее всего, показалось. Скорее всего, она свою неприязнь перенесла на восприятие его реак-

ции. Все ведь, если спокойно взглянуть, совершенно понятно: он просто не ожидал, что она освободится пораньше.

Дама оказалась той самой первой Сашиной женой, когда-то подло предавшей его. Однако у нее с бывшим мужем оказались какие-то общие дела из области той самой рыночной торговли, которой он, при всех своих заслугах перед родиной, вынужден был заниматься. Поскольку расстались Саша с Юлей без драк и скандалов, по обоюдному согласию, почему бы и не остаться им друзьями, партнерами, наконец? Это все понятно. Общается же Леся с Валерой. И отношения их сейчас даже намного лучше, добрее, чем в браке. Так что тут претензий быть не может.

Кольнуло, что мог бы, конечно, предупредить. Из элементарной вежливости хотя бы. Один короткий звонок на мобильный, ничего больше не требовалось.

С другой стороны, кто знает, как произошла их встреча? Вполне возможно, что случайно. Саша пригласил зайти. Не обсуждать же дела на улице. И вдруг она как-то помогает ему выпутаться из проблем?

А стол тогда почему накрытый?

Ну, что ж! Вот такая у Саши щедрая душа. Он же никому ничего не пожалеет.

Леся по-быстрому легко уговорила саму себя, успокоила. Раньше бы ей такое умение… Принялась по-доброму общаться. Одно только сильно удивляло: уж очень неприятной оказалась бывшая Сашина супруга. Глаза колючие, держится нагло, усмешечка ехидная. И в то же время было понятно, что Юля – тот тип, что очень привлекает мужчин. Какая-то в ней ощущалась загадка. Недоступная доступность. Хотелось приблизиться, попробовать. Одета она была продуманно, но по-рыночному. Духами пахла за версту. Ногти накладные с рисунками – красные ногти с черными подобиями иероглифов. Прическа свежая, только из парикмахерской, видно. Конечно, детей нет, есть время за собой ухаживать. А уж какие выбрать ногти и перья на голове – дело вкуса, и только.

Самым неприятным у Юли был голос. Выговор хабальский, другого слова не подберешь, интонации скандальные.

В общем, искренне пожалела Леся своего любимого мужа Сашу, потратившего годы на такую своеобразную особь. Но нет худа без добра: встреча эта помогла ей наконец освободиться от посещавшего ее временами комплекса вины перед незнакомой женщиной, которую, как ни крути, Саша решительно бросил ради нее.

– Ну как? Довольна? – спросила Юля развязно, кивнув в сторону Саши.

Леся пожала плечами.

Не хватало еще начать делиться личными впечатлениями о Саше с этой незнакомой и малоприятной персоной.

– Че молчишь? Я, может, проверить пришла. В какие такие руки он у меня попал.

Саша поморщился:

– Перестань.

– Че перестань? Че я такого сказала? Выделываться меньше надо.

Юля явно провоцировала. Леся дружески улыбнулась.

– Вы тут беседуйте, а мне завтра рано вставать, детей в школу отправлять. Спокойной ночи, ребята.

Видно было, что Юлю передернуло. Может, от Юли исходит угроза? Ах, скорее бы убраться из этой страны, сил нет терпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.